

социальное бытие которых обретает свой «дом» в структурах социально-исторического памятования, а целостность реализуется через идентичность личности в структурах индивидуального и коллективного имени человека. Человек определяется здесь в качестве социокультурной силы «своего» сообщества. Соответственно, «политической экономии» (в т. ч. в версии «теории повседневности» А. Щюца и др.) предстоит противопоставить нечто вроде политической социологии (философия социальной политики), — науку о социальном бытии, социальном существовании и историческом развитии человеческих микрокосмов-имен, о развитии человека/сообществ людей как социокультурной силы «своих» сообществ. Конечно, предлагаемые подходы таят в себе многочисленные теоретические трудности. Достаточно отметить, что диапазон понятия «свое сообщество» простирается от формата сообщества отдельной семьи до формата общероссийского сообщества, поэтому статус «социокультурной силы», очевидно, не является одномерным и требует вдумчивого осмысления. Тем не менее работа в этом направлении позволит перевести представления о правах человека с платформы «пустых означающих» на платформу «имен идентичности» граждан России.

***Фатенков Алексей Николаевич**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета*

Справедливость и несправедливость: асимметрия взаимоотношений

О нас, русских, нередко говорят, что мы помешаны на справедливости¹. Если и так, это не самый удручающий вариант помешательства.

Да, разговор о справедливости странен². Казалось бы, все позиции давно выверены, эмпирические отклонения от них типизированы, однако не пропадает ощущение недосказанности и неудовлетворенности ожиданий. Происходит это потому, что человеческая жизнь и ее основополагающие ориентиры не поддаются тотальной рационализации и унификации: человек ведь пока еще, к счастью, не машина и не функция. Так и со справедливостью. Ни одно ее определение не является исчерпывающим и не дотягивает до того, чтобы обоснованно претендовать на статус общезначимого, хотя, надо заметить, отсюда никоим образом не вытекает запрет на выстраивание логически строгих дефиниций и не обнуляется их ценность. И все же факт остается фактом: справедливое для одного несправедливо для другого. И оно не только представляется таковым, но и в действительности таково. Без ощущения справедливости/несправедливости нет и их самих. Чувственно-эмоциональные смыслы, иррациональные в той или иной степени, не отменяют, конечно, смыслы интеллигентно-понятийные, но и не снимаются ими, а выступают совместно в неразрывной связке.

Учет в дискурсе справедливости человеческой иррациональности позволяет объяснить, почему несправедливость воспринимается людьми острее, нежели ее положительная противоположность. Дело в том, что справедливость — всего лишь норма, пусть и ведущая себя по-особому, и согласно социальным стандартам по большей части желательная; тогда как несправедливость, рассматриваемая во все той же социальной проекции, — совершенно нежелательное отклонение от нормы. Помыслим ситуацию далее. То, что справедливость в полноте своей принципиально не формализуема, свидетельствует не столько о недостатках человеческого разума, сколько о достаточно весомом присутствии иррациональной компоненты в самой социальной событийности, причем вне зависимости от характера ее восприятия и оценок.

1 См., напр.: Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи: роман / пер. с фр. Ю. Корнеева. Харьков: Фолио; М.: Аст, 1999. С. 406.

2 См., в частности: Фатенков А.Н. О справедливости, ее границах и о том, что человечнее справедливости // Социальная справедливость: утопии и реалии: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Ленина / под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М.: Аквилон, 2020. С. 21—28.

Отсутствие безупречного определения справедливости провоцирует мысль о сущностной несправедливости общественной жизни, различающейся в своих феноменах, дескать, лишь количеством негатива. Подобная установка, неоправданно упрощая социальную картину мира, настраивает человека на покорный конформизм. Упрощенческой, подпитывающей порывы восторженного конформизма, оказывается и симметричная установка, оценивающая общественную жизнь исключительно мерой справедливости. Отвергая обе односторонние ориентации, имеет смысл отстаивать тезис о реальном (не надуманном) существовании в социальном пространстве-времени как справедливости, так и несправедливости, и — подчеркнуто — об асимметрии их взаимоотношений.

Стержневая идея автора формулируется в трех парных утверждениях. Рост справедливости в обществе ведет к соответствующей убыли несправедливости, урезание справедливости — к соответствующему нарастанию несправедливости. Прирост несправедливости в обществе равносильен снижению справедливости, но *снижение несправедливости не равносильно приросту справедливости*. Несправедливость никак не заинтересована в том, чтобы саму себя преодолевать, и никогда не преодолевает; ни одно отклонение от несправедливости прямоком справедливостью не оборачивается. Справедливость же не может быть и оставаться собою, отчасти себя не преодолевая; не всякое отклонение от справедливости означает ее урезание.

Выраженная геометрически, идея становится наглядней. Так и здесь. Полюса справедливости и несправедливости поначалу соединим прямой. Получим отрезок, почти совпадающий в используемой линейной репрезентации с отрезком социальности. Справедливость — ценность именно социальная по преимуществу. В отличие, скажем, от счастья и любви — по преимуществу экзистенциальных ценностей. Рассуждения о счастливом обществе или государстве откровенно утопичны. Счастливы и несчастны есть в любом социуме — и справедливом, и несправедливом. Ни один общественный строй, ни один политический режим не гарантирует увеличения счастья и уменьшения несчастья. И не вправе давать подобных обещаний. Правомочны, и то до некоторого потолка, обещания подтянуть справедливость, вернее же, снизить уровень несправедливости. Вернемся, однако, к геометрическому подспорью. Полученный выше отрезок разделим на части — но не на две: там, где больше справедливости, и там, где больше несправедливости, и с пограничной точкой, в которой той и другой поровну. Такой социально событийной точки с равенством справедливости и несправедливости вообще нет. Как нет и поначалу допущенной нами непрерывной линии, проходящей через их полюса. Линия разорвана: участки с доминантой справедливости и доминантой несправедливости обрываются, упираясь в область неопределенности с ее подвижными, смещающимися вправо-влево рубежами и с меняющимся объемом.

В полосе неопределенности, о которой идет речь, человеческий поступок не может быть безупречно идентифицирован как справедливый или несправедливый с опорой лишь на преобладающую в обществе систему ценностей и спектр социально допустимых действий (чего хватает для процедур идентификации на примыкающих к полосе участках). Эта социальная недостаточность компенсируется и преодолевается только ответственными личностными решениями и смыслами.

Хрестоматийный сюжет и вопрос. Перекроет ли сотня или даже тысяча жизней, спасенных от гибели, нищеты и разврата, насильственную смерть гадкой старухи-процентщицы? Социальная арифметика надежного ответа никогда не даст. Ни большинством голосов, ни положившись на мнение авторитетного меньшинства неоспоримого вердикта не вынести. Общественности, всегда склонной к количественным подсчетам, не составит особого труда сколотить внутри себя большинство, оправдывающее ликвидацию социального паразита, особенно если ликвидация будет произведена чужими руками. И та же общественность, легко поддающаяся манипулированию, способна запросто занять и полярную позицию — оправдать циничного эксплуататора, сославшись на аргумент линейного морализаторства: дескать, несправедливое устранение несправедливости лишь множит несправедливость. Внятный ответ социальным теоретикам дает на страницах романа офицер-бильярдист: «А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!»¹. Незатейливая, казалось бы, мысль концептуально глубока.

Справедливость, как выясняется, при всей своей социальной ангажированности крайне нуждается в экзистенциальной подпитке — причем и вблизи своего полюса. Иными словами, область неопределенности, разрывающая линейную социальность, гораздо шире, чем представляется

¹ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. С. 66.

даже критически мыслящему общественнику. Без весомого личного вклада в распознавание и утверждение справедливости та превращается в абстракцию, в отвлеченный свод правил и рецептов, столь же гнетуще действующий на человека, как и откровенная несправедливость.

Справедливости и несправедливости не может быть поровну, но они способны слиться до неразличимости, а фактически — до поглощения позитива негативом. Формализация позитива неуклонно ведет к его умалению. Закон должен подстраиваться под справедливость, не наоборот. Закон есть правило, отклонение от которого ведет к беззаконию. Справедливость есть правило, отклонение от которого может вести как к несправедливости, так и к содержательно окрепшей справедливости. Законность и незаконность могут быть удостоверены и дифференцированы при помощи технических средств. Справедливость и несправедливость посредством приборов не разграничить. Как не разграничить инструментально произвол и активное воспрепятствование ему. Справедливость с человеческим лицом невозможна без удачи, без здоровой иррациональности, которая спасает сегодня людей от редукции к машиноподобным болванчикам. Справедливость не выразима сколько-нибудь полно в количественных, статистических показателях. Экспликация несправедливости в цифрах, напротив, зачастую вполне адекватна (за соответствующим ощущением дело не встанет).

Как уже подчеркивалось, устранение несправедливости автоматически не устанавливает в обществе справедливость, а переводит человека в область неопределенности (социальной недостаточности), требующей для утверждения и защиты справедливости немалых экзистенциальных усилий от каждого. Чем меньше социальной несправедливости, тем шире полоса неопределенности и тем значимее личностные решения и поступки. Чем больше социальной справедливости, тем сильнее соблазн сузить полосу неопределенности и снизить уровень личной ответственности за все происходящее. Расплата приходит незамедлительно: неопределенность действительно сокращается... но за счет появления новых форм несправедливости и возвращения некоторых старых.

Показательна ситуация с распадом Советского Союза (на его защиту в 1991 году вышли считанные единицы) и реставрацией капитализма на некогда союзном пространстве. Кратко сравним в асимметричном ракурсе справедливости/несправедливости советскую и постсоветскую Россию. Результат не в пользу нынешнего ее состояния. Произведенная оценка нуждается, разумеется, в пояснении. Конкретнее: советское общество (периода середины 1960-х — середины 1980-х годов, о котором сам могу ответственно свидетельствовать), может, и не было более справедливым, но, с уверенностью говоря, было менее несправедливым. Вопиющих изъянов было существенно меньше. В постсоветский же период одна пенсионная «реформа» чего стоит¹.

Поражение социализма (временное, по крайней мере) — это поражение лично пассивной социальной справедливости. Победа капитализма (опять же временная, надо думать, или, если не повезет, окончательная и пиррова) вызвана в определенном смысле тем, что в матрице товарно-денежных отношений индивидуальная активность, априори востребованная, фигурирует в роли социального стандарта. Это тактическое преимущество, однако в стратегическом плане зримо сходит на нет. Стандартизированная активность, становясь собственно социальной, перестает быть собственно личностной, переходит в разряд отчужденных форм деятельности, которые не только не справляются с прессингом несправедливости, но и попустительствуют ему. Надежды К. Маркса на то, что тотальная социализация способна вызволить человека из-под гнета экономического детерминизма и справедливо раскрепостить, не оправдались. Социальность, как с очевидностью обнаруживается сегодня, не столько содействует укреплению человечности, сколько дрейфует к трансгуманистическому альянсу с техносферой и, следовательно, к допущению того, что меры справедливости и несправедливости будет устанавливать и контролировать искусственный интеллект, этот гипостазированный концентрат отчужденного *ratio*.

Редукция социального к социотехническому — ни нынешняя фрагментарная, ни полная в трансгуманистической перспективе — не поколеблет устоев капитализма, лишь инструментально переоснастит его. Удручающая ситуация: ведь все козырные карты IT-цивилизации — инновационного капиталистического общества массового потребления без границ — на поверку оказываются краплеными. Все рекламируемые ее достоинства коррелятивно привязаны к количественной

1 См.: Фатенков А.Н. Пенсионная реформа и Мундиаль: гримасы капиталистической эксплуатации // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 554—558.

квинтэссенции отношений купли-продажи: к объему и скорости обращения финансовых потоков. Но деньгами, при каком бы общественном строе они ни были заработаны, справедливость не подкрепить — они всегда, и в любых величинах (и абсолютных, и относительных), прямо или косвенно указывают на несправедливость.

Каждая несправедливость сполна себя выражает. Спектр несправедливостей необозримо широк. Со справедливостью — не так. Ни одним своим проявлением она не исчерпывает себя, при том, что сама не беспредельна. Справедливость несет в себе ограничения: и для всего иного, к чему приложима, и для себя.

Щетинина Ольга Владимировна, заместитель председателя Законодательного собрания Нижегородской области, аспирант Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Философия активного поворота в социальной политике: приоритеты технологий социального партнерства

Задачи активного поворота в социальной политике были поставлены Президентом России еще в 2000-м году и содержательно предполагают переход от патерналистской социальной политики к политике активного гражданского участия¹. Философия активного поворота опирается на результаты анализа глобального плюрализма взглядов на природу общества, социального государства² и предполагает выбор приоритетной философской парадигмы для России. Наше исследование позволяет заключить, что в противовес западным постмодернистским теоретическим подходам, представленным в работах П. Бергера³, М. Фуко⁴, Ж. Лакана⁵, Н. Лумана⁶ и др.⁷, утверждающих идеи снижения роли и значения человека как субъекта социально-политических процессов, идеи трансгуманизма и «смерти субъекта», перспективными для России являются философские исследования, утверждающие идеи фундаментальной значимости человека в качестве социального субъекта, в т.ч. в качестве субъекта социальной политики (работы С. Жижика⁸, Ю. Хабермаса⁹, В.А. Кутырева¹⁰, А.В. Дахина¹¹ и др.). В свете названных философских приоритетов и с опорой на философскую теорию деятельности профессора Л.А. Зеленова¹² открывается возможность переосмысления широкого круга вопросов роли человека в обществе, в поле социальной политики, в том числе и вопросов применения социальных технологий для задач социальной политики.

В целом речь идет, во-первых, о том, что существует запрос на технологии организации деятельности человека именно в качестве целостной личности, а не только в качестве «рабочей силы». Если технологии в промышленности нацелены на использование человека в качестве «рабочей

1 Путин В.В. Какую Россию мы строим? Послание президента РФ Федеральному собранию РФ от 8 июля 2000 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/ (дата обращения: 30.09.2020).

2 Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (45). 2019. С. 274—278.

3 Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-пресс. 1996. 168 с.

4 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.

5 Лакан Ж. Семинары. Книга 7 (1959—1960). Этика психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2006. 416 с.

6 Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество общества. В 5 кн.. Кн. 1. М.: Логос, 2011. С. 15—201.

7 Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 39 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 427 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 475 с.

8 Жижик С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело. 2014. 528 с.

9 Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 2001. 417 с.

10 Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя. 2015. 312 с.

11 Дахин А.В. После модерна: метафизическая альтернатива инновации и постмодерну // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2017. 354 с. С. 136—139.

12 Зеленов Л.А. Философия // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во О.В. Гладкова. 2006. 168 с.